

ИСТОРИЧЕСКАЯ РОССИЯ

Сезон 1

«ПРОКЛЯТОЕ СОСЛОВИЕ»

Александра Венглинская

Сезон 1 · материалы № 1–10 из 233 · цикл I

СОДЕРЖАНИЕ

1. Одна страна сделала его министром в тридцать четыре. Другая стёрла без обвинения
2. 684 рубля в месяц. И примечание, которое всё объясняет
3. 113 миллионов проголосовали за сохранение СССР. Через девять месяцев страны не стало
4. Имел всё, не владел ничем, не мог передать ничего. Что делает такой человек?
5. Дефицит конца восьмидесятых объясняют исчерпанием плана. Его сделали четыре постановления
6. У Берии были дивизии. У Маленкова — картотека
7. Он освободил дворян — и через 130 дней они его свергли
8. Витте уволили в 1903-м. Мир после войны подписывал он же
9. Главного автора реформы уволили через 61 день. Реформа устояла
10. Одних расстреливали за проданные секреты. Другим согласовывали постановления

Одна страна сделала его министром в тридцать четыре. Другая стёрла без обвинения

№ в серии: 1 из 233 · № в сезоне: 1 из 10 · Сезон: 1 «Проклятое сословие» · Дзен: 27.07.2026 · ЖЖ: 24.08.2026 · Теги: Историческая Россия, Проклятое сословие

В 1922 году шестнадцатилетнего сироту из тифлисской лавки взяли курьером в особый отдел. В 1941-м он стал наркомом союзной республики. В 1955-м его вычеркнули — без ареста, без суда, без доказанной вины, в областном управлении на краю страны. Между этими точками — одно государство. Но не одна страна.

Двадцать шестого февраля 1941 года Георгий Иосифович Мартиросов, тридцати четырёх лет, стал наркомом внутренних дел Армянской ССР. Тринадцатого мая 1955 года Комитет партийного контроля при ЦК КПСС исключил его из партии, а через десять дней он был уволен из органов государственной безопасности. Ни ареста, ни следствия, ни суда не последовало.

Этой биографией я открываю серию — не потому, что её герой был крупной исторической фигурой. Потому что на ней, как на модели уменьшенного масштаба, видно то, что в масштабе страны разглядеть куда труднее. Разворот. Момент, когда система, искавшая и поднимавшая людей снизу, начала тех же самых людей снимать с доски.

Сначала — как работал подъём.

Мартиросов родился первого мая 1906 года в Тифлисе. Отец, приказчик в железо-скобяной лавке, умер в 1917-м. Мать поднимала троих детей шитьём. Пять классов гимназии — курса он не окончил, образование оборвалось. В 1922 году семья перебралась в Баку, и шестнадцатилетний подросток был принят курьером в Особый отдел. Ни связей, ни диплома, ни имени.

Дальше система работала сама. Комсомол, кандидатство в партию, направление на учёбу в Москву — Высшая пограничная школа, окончена в 1930-м. Оперативная служба в Закавказье, ступень за ступенью.

Транспортные отделы на западных рубежах: Гомель, затем Рига. И февраль 1941 года — нарком внутренних дел союзной республики. За неполные девятнадцать лет: от низовой канцелярии до номенклатуры ЦК.

Затем война на ответственнейшем тыловом рубеже. Оперативный сектор советской администрации в Германии. Генеральское звание в июле 1945 года — постановлением Совнаркома. Орден Ленина в 1950-м. Управление в Горьком, атомный регион. С августа 1952-го — министр государственной безопасности Армянской ССР.

Существенно здесь не то, что один способный человек сделал карьеру. Существенно, что страна такого человека искала. Энергия выходца из народа была ресурсом, который государство целенаправленно выявляло, обучало и продвигало вверх. Мартиросов — не исключение из правила, а само правило в действии; таких были десятки тысяч.

Теперь — как работало стирание.

После марта 1953 года направление машины меняется. Сначала обезглавливается руководящий слой органов. Затем понижается сам институт: упраздняется Особое совещание, министерство преобразуется в комитет. И третьим движением идёт кадровая селекция — планомерный перебор ветеранского корпуса.

Мартиросов попал именно в третье движение, и первую волну он прошёл нетронутым. В докладной руководства МВД в Президиум ЦК от двадцать второго августа 1953 года — поимённой описи увольнений и арестов по итогам устранения Берии — перечислены десятки фамилий: Сазыкин, Райхман, Влодзимирский, Судоплатов, Эйтингон, Деканозов. Мартиросова в этой описи нет, он оставался республиканским министром. Волна, направленная на ставленников устранённого круга, его не задела.

Задела следующая, и начала она с перемещения. В мае 1954 года, с образованием КГБ, Мартиросова перевели начальником управления по Архангельской области — понижение очевидное: республиканский министр входил в номенклатуру ЦК, начальник областного управления стоял ниже. Через неполные десять месяцев последовали исключение и

увольнение. Схема «перевод в отдалённый регион, затем увольнение менее чем через год» — известная аппаратная практика: перемещение разрывает связи, выводит человека из зоны влияния, и устранение проходит без резонанса.

Формулировка исключения — «за нарушение советской законности в 1937–1938 годах». Это была стандартная формула персональных дел сотрудников органов, и отличало её одно свойство: универсальность. Через массовые операции тех лет прошёл практически весь оперативный состав, служивший тогда, и предъявить её можно было почти любому довоенному ветерану.

Обвинение, применимое к каждому, не измеряет вину отдельного человека. Зато оно безупречно работает как инструмент отбора: решение принимается не на уровне обвинения, а на уровне выбора — против кого его активировать. Вопрос перестаёт звучать как «виновен ли этот человек» и начинает звучать как «выбран ли этот человек».

Что предъявить было нечего, доказывается мягкостью исхода. Когда аппарат располагал материалом, годным как состав, — настоящим или сконструированным, — он шёл уголовным путём: арест, следствие, суд. Так было с бериевским кругом, расстрелянным в декабре 1953 года, с Абакумовым и Рюминым, с Судоплатовым и Эйтингеном, получившими длительные сроки. Мартиросов пошёл административным путём: исключение и увольнение, со званием генерал-майора на руках. Центральный архив ФСБ России впоследствии официально подтвердил, что архивного уголовного дела в отношении него на хранении нет.

Возразить можно одним способом: к 1955 году нравы смягчились. Возражение снимается прямым сравнением. Иван Матевосов — нарком внутренних дел Армянской ССР военных лет, соподписант той же директивы, получивший генеральское звание тем же постановлением Совнаркома, соседней строкой того же списка, — был уволен с той же формулировкой в мае 1954 года и лишён звания постановлением Совета Министров в октябре того же года. Процедура существовала и

применялась к наркомам того же призыва в те же месяцы. К Мартиросову её не применили не по мягкости времени.

Предметом отбора был не человек, а слой. Итог кампании подведён её же руководителем: записка председателя КГБ Ивана Серова в ЦК от июня 1957 года фиксирует более восемнадцати тысяч уволенных, свыше двух тысяч трёхсот — по «субстантивному» ядру, сорок генералов, лишённых званий. Это статистика планомерного вывода из строя ветеранского корпуса органов — того самого института, который в базовых работах серии описан как защитный механизм государственной конструкции.

Дата имеет значение. Дело Мартиросова — май 1955 года, за девять месяцев до XX съезда. Закрытый доклад падал уже на расчищенную почву: разворот против основания советского проекта был бы рискован при наличии автономной силы, сохраняющей верность прежней рамке. К началу 1956 года такой силы не осталось.

Вот это и есть инверсия, взятая в масштабе одной судьбы. В первой фазе энергия человека из народа была ресурсом, который государство искало и поднимало. Во второй — фактором, который правящий слой снимал с доски. Машина отбора не сломалась. Она развернулась: с накопления кадровой силы на её отключение.

Теперь о том, чего я не знаю. Содержание дела Комитета партийного контроля закрыто до архивного ответа. Что именно Мартиросов делал начальником отделения Гагринского отдела НКВД с февраля 1937-го по февраль 1939 года, по доступным источникам установить нельзя: должность подтверждена послужным списком, конкретные действия в ней — нет. Догадкой я этот вопрос не закрою ни в одну, ни в другую сторону.

Обязана сказать и следующее: Мартиросов — мой родственник. Раскрытое родство здесь не смягчает стандарт, а ужесточает его: ни одно утверждение выше не выходит за границу документа, и проверять меня стоит строже обычного.

В Архангельске он прожил ещё двадцать два года, работал заместителем директора института леса и лесохимии, умер двадцать

первого февраля 1977 года. Похоронен на Соломбальском кладбище.

А защитный контур, разобранный в те годы, восстановлен не был уже никогда. Органы остались инструментом, а не субъектом — до самого конца советской государственности. Через тридцать шесть лет это скажется. Но об этом — в следующих разборах серии.

Первый материал сезона «Проклятое сословие», всего 10. В следующий раз — секретный статистический справочник ЦСУ 1956 года и примечание под таблицей, исключаяющее из неё целый управляющий слой.

684 рубля в месяц. И примечание, которое всё объясняет

№ в серии: 2 из 233 · № в сезоне: 2 из 10 · Сезон: 1 «Проклятое сословие» · Дзен: 30.07.2026 · ЖЖ: 26.08.2026 · Теги: Историческая Россия, Проклятое сословие

Секретный статистический справочник 1956 года приводит средние заработки по всем отраслям страны. Под таблицей — примечание мелким шрифтом: работники партийных и комсомольских органов в расчёт не включены. Их нет в цифре даже там, где цифру и так никто посторонний не увидел бы.

В 1956 году Центральное статистическое управление выпустило справочник о народном хозяйстве СССР. Гриф — «совершенно секретно». Внутри есть таблица средних заработков по отраслям.

1953 год. По народному хозяйству в целом — 684 рубля в месяц. Промышленность — 762. Село — 428. Аппарат государственного и хозяйственного управления — 735.

Разрыв между управляющими и управляемыми — восемь процентов. Почти незаметный.

Под таблицей примечание: работники партийных и комсомольских органов в расчёт не включены.

Их нет в цифре. Даже в той, которую засекретили от собственного населения.

Сколько платили им, известно из других бумаг. Томский обком, решение с 1 мая 1953 года: первому секретарю обкома — 7 000 рублей денежного довольствия в месяц. Секретарям обкома — по 4 500.

Это не оклад. Это сверх оклада.

Довольствие выдавали отдельно от ведомости, в конверте. Оно было сопоставимо с самим окладом, не облагалось ни налогом, ни партийным взносом и не попадало в статистику.

На взносах стоит задержаться. Взнос — процедура, связывающая человека с организацией на общих основаниях. Доход, с которого взнос не

платится, находится вне этой связи по определению.

Сложите три свойства — получится институт, который невозможно обсуждать, потому что публично его не существует. Ни критиковать, ни защищать, ни пересматривать в обычном порядке. Только закрытым решением той же инстанции, которая его завела.

Так было не всегда.

Декрет ВЦИК от 23 июня 1921 года: заработок ответственного работника — не выше ста пятидесяти процентов от средней платы в тех учреждениях и на тех предприятиях, которыми он управляет. Это партмаксимум.

Правило простое, как топор. Управляющий не может богатеть быстрее управляемых.

И дорогое: оно отсекало тех, кто идёт во власть за доходом. Издержка настоящая, спорить не с чем. Но другого надёжного средства против превращения служилого слоя в сословие не придумано до сих пор.

Приложите правило к томской цифре. Первому секретарю полагалось бы полторы средних по области. Он получал одно только довольствие — вдесятеро больше средней по стране.

Между двумя состояниями лежит один документ.

Восьмое февраля 1932 года. Политбюро отменяет ограничение партмаксимумом оплаты коммунистов-специалистов: протокол № 87, пункт девятый, приложение второе. РГАСПИ, фонд 17, опись 3, дело 871, листы 19–26.

Через полтора года конструкцию достроили. Постановление № 144: для получающих сверх прежнего партмаксимума — три категории, 400–500, 600–700 и 800–900 рублей.

Это уже не «повышенная оплата». Это ранговая шкала: шаг вверх по лестнице автоматически даёт рост личного дохода. Техническое определение сословия в начальной фазе.

Обоснованием была борьба с уравниловкой, и для производства оно верное: инженер, отвечающий за пуск домны, не должен получать наравне

с подсобным рабочим. Подмена в другом — производственную логику перенесли на политический аппарат, где измеримого труда не существует. Там есть только положение.

Уступка ли это формирующемуся слою или вынужденная мера кадрового голода первой пятилетки — по документам не устанавливается. Мотив не устанавливается, результат — да. И оба мотива дают одно следствие: институт без срока действия становится постоянным, а его получатели — группой, которая будет его защищать.

Дальше самое интересное. Система попыталась отыграть назад.

1952 год. Закрытое письмо ЦК в местные парторганы: денежное довольствие партийных и советских работников с 1 августа снижается. Обоснование прямое — цены снижались, реальные доходы населения выросли, и ликвидация разрыва признана политически важной.

Слово «политически» тут ключевое. Разрыв назвали вопросом устойчивости, а не бухгалтерии. Проблему видели, и видели изнутри.

Октябрь того же года, XIX съезд. Политбюро из одиннадцати человек упразднено, создан Президиум из двадцати пяти. Перечень обязанностей члена партии расширен.

Три решения за полгода: по деньгам, по уставу, по составу. Каждое по отдельности ничего не доказывает. Три вместе задают вектор.

Март 1953 года. Всё это разобрано в течение нескольких дней.

И главное здесь не отмена, а скорость. Состав Президиума сокращается на первом же заседании, внеуставное бюро упраздняется как внеуставное. Так быстро отменяют только то, что прочитано точно и отвергнуто единодушно.

Январь 1957-го: конверты отменяют совсем. Формально — победа над привилегией.

Фактически убрали единственную исчислимую её форму. Закрытое распределение, служебное жильё, транспорт, санатории, специальная медицина, персональные пенсии счёту не поддаются и потому неуязвимы.

Тяжесть перенесли с видимого на невидимое. Ровно как в той таблице ЦСУ, с которой мы начали.

Теперь зачем это знать.

Ограничителей, державших управляющий слой в служилом состоянии, было несколько, и почти все сняли за несколько лет после 1953 года. Кроме экономического: его сняли первым и на двадцать лет раньше остальных. Поэтому все последующие работали уже против сложившегося материального интереса, а не в его отсутствие.

Дальше логика принудительна. Слой распоряжался, но не владел. Тот, кто распоряжается и не владеет, заинтересован в смене порядка — в такой, которая превратит распоряжение во владение. Пока государство сильно, этот интерес подавлен. Как только оно слабеет, он становится программой.

Отсюда 1991 год. К порогу страна подошла растущей: промышленное производство выше довоенного на семьдесят три процента, карточки отменены в 1947-м, розничные цены снижались ежегодно, атомная задача решена в 1949-м, термоядерная — в 1953-м.

Растущие страны не рушатся сами. Их роняют.

И последнее.

Двадцать первого января 1947 года умерла Розалия Землячка. Двадцать один год во главе государственного и партийного контроля. За полвека во власти она не нажила ничего, кроме места в Кремлёвской стене.

Пока такие люди занимали контрольные посты, отсутствующий институт восполнялся их личным качеством. Личная неподкупность работает непрерывно и бесплатно. Принуждение требует аппарата и ежедневного усилия — и кончается в тот день, когда кончается ручное управление.

Её смерть — не биографическая подробность, а датировка. Дальше восполнять было нечем.

А ограничитель, который работал бы сам, без чьей-либо личной честности, отменили пятнадцатью годами раньше. Восьмого февраля 1932

года.

Второй материал сезона «Проклятое сословие», всего 10. В следующий раз — 113 миллионов голосов за сохранение Союза в марте 1991-го — и девять месяцев, за которые голос ничего не решил.

113 миллионов проголосовали за сохранение СССР. Через девять месяцев страны не стало

№ в серии: 3 из 233 · № в сезоне: 3 из 10 · Сезон: 1 «Проклятое сословие» · Дзен: 30.07.2026 · ЖЖ: 28.08.2026 · Теги: Историческая Россия, Проклятое сословие

Семнадцатого марта 1991 года у народа впервые за всю советскую историю спросили прямо: должно ли существовать его государство. Ответ известен. Что случилось дальше — известно тоже. Непонятно только, как одно вытекает из другого.

Семнадцатого марта 1991 года в списки для голосования внесли сто восемьдесят пять миллионов шестьсот тысяч человек. Пришли сто сорок восемь миллионов пятьсот семьдесят тысяч — восемьдесят процентов. За сохранение Союза высказались семьдесят шесть и четыре десятых процента пришедших: сто тринадцать миллионов пятьсот тысяч.

Это был единственный за всю советскую историю случай, когда народ спросили прямо: должно ли существовать его государство. Не опрос, не социологический зондаж, не собрание — референдум по действующему закону, с бюллетенями, участками и протоколами.

Через девять месяцев государства не стало.

Между мартом и декабрём не произошло ничего, что объясняло бы это обычным порядком. Ни войны. Ни оккупации. Ни второго референдума, отменяющего первый.

Армия стояла на местах. Ракетные дивизии несли дежурство. Промышленность выпускала продукцию. Границу никто не переходил. А госбезопасность за несколько лет до того радикально свернула в стране агентурную сеть противника — в самих Соединённых Штатах это назвали худшей разведывательной катастрофой в их истории.

Государство распустили люди, занимавшие в нём высшие должности. Те, кто имел от него всё: положение, власть, обеспечение, недоступное остальным.

Теперь второе измерение, и оно интереснее первого.

В июне 1991 года американский социолог Джудит Куллберг опросила высшую московскую партийно-государственную номенклатуру. Около трёх четвертей опрошенных выступали за форсированный переход к рыночному капитализму. Приверженность прежнему устройству сохраняла малая доля.

Сопоставьте два числа.

Три четверти населения — за сохранение государства. Три четверти верхушки — за его демонтаж.

Два измерения, проведённые в одни и те же месяцы, разными людьми, разными методами, друг о друге не знавшими. Картина складывается сама.

Здесь принято возражать: а объективные обстоятельства? Кризис был настоящий, и разговоры про интерес элит его подменяют.

Кризис был настоящий. Вот он в цифрах.

В сентябре 1985 года Саудовская Аравия резко увеличила добычу, чтобы вернуть себе долю рынка. Меньше чем за год нефть обрушилась с уровня выше тридцати долларов за баррель до отметки ниже десяти.

Валютная нефтяная выручка Советского Союза сократилась вдвое — примерно с десяти миллиардов инвалютных рублей в 1985 году до пяти в 1986-м. Доля нефтегазовых доходов в союзном бюджете упала с почти десяти процентов до семи. По оценкам американской разведки того времени, годичный ущерб составлял порядка тринадцати миллиардов долларов: экспорт вооружений просел примерно на пятую часть, высокотехнологичный импорт — на треть.

Одновременно шла навязанная извне гонка. Объявленная в 1983 году программа Стратегической оборонной инициативы работала прежде всего как инструмент экономического давления: она заставляла планировать ответ на систему, которой ещё не существовало.

И на этом фоне разворачивался товарный дефицит, к концу десятилетия ставший бытовой реальностью каждой семьи.

Всё это правда. Но главного из этого не следует.

Стресс-тест ставит перед системой задачу. Решение за неё он не выбирает.

Причём две цифры ломают привычное чтение.

Первая. Годичные валютные потери, при всей их болезненности, были кратно меньше бюджетного дефицита, сложившегося к концу десятилетия по внутренним причинам. Обвал цен был не единственной и, возможно, не главной причиной ухудшения.

Вторая. Товарный дефицит в существенной части оказался следствием тех самых решений, которые принимались под предлогом выхода из кризиса. Каких именно — тема отдельного разбора, и он будет.

А теперь то, что делает весь этот спор проверяемым.

Русская история ставила перед управляющим слоем задачу такого класса дважды.

В XIX веке стресс-тестом стала Крымская война: она вскрыла отставание хозяйства, стоявшего на крепостном труде. В XX веке — кризис второй половины восьмидесятых.

Оба раза требовались глубокие реформы. Оба раза реформы шли вразрез с интересом привилегированного слоя.

Исходы оказались противоположными.

В 1861 году реформа была проведена против воли сословия.

В 1991-м вместо реформы разобрали государство.

Обстоятельства в обоих случаях были объективными. Решения — нет.

Отсюда единственный вопрос, который стоит задавать. Не «почему система не выдержала» — она выдерживала многое, и это отдельная тема. А вот этот: почему слою, получавшему от государства всё, стало выгоднее это государство распустить, чем сохранить?

Отвечать придётся, отступая назад — от следствия к причине, от причины к её причине. И отступление заведёт дальше, чем можно предположить, глядя на декабрь 1991 года.

В конце этого пути обнаружится документ, подписанный в феврале 1762 года.

Третий материал сезона «Проклятое сословие», всего 10. В следующий раз — имел всё, не владел ничем, не мог передать ничего — что делает такой человек, когда государство перестаёт быть ему нужно.

Имел всё, не владел ничем, не мог передать ничего. Что делает такой человек?

№ в серии: 4 из 233 · № в сезоне: 4 из 10 · Сезон: 1 «Проклятое сословие» · Дзен: 30.07.2026 · ЖЖ: 30.08.2026 · Теги: Историческая Россия, Проклятое сословие

Союзный министр жил кратно лучше квалифицированного инженера. И при этом не владел ни квартирой, ни дачей, ни машиной — всё принадлежало должности. Разбираю, что из этого следовало и почему рынок решал для этого слоя задачу, которую строй решить не мог.

Сектор социологии элит под руководством Ольги Крыштановской установил в начале девяностых цифру, которую стоит запомнить: свыше шестидесяти процентов крупнейших российских предпринимателей и банкиров того времени — прямые выходцы из советской партийно-государственной, министерской и комсомольской номенклатуры.

При революции правящий класс сменяется. Здесь он остался тот же и сменил только форму, в которой держал своё.

Прошлый разбор закончился вопросом: почему слою, получавшему от государства всё, стало выгоднее это государство распустить, чем сохранить. Ответ начинается с описания того, что именно он держал.

Советский управляющий работник имел то, чего не имело девяносто девять процентов населения. Квартиру в доме, куда не селили по общей очереди. Дачу. Машину с водителем на балансе гаража особого назначения. Закрытый распределитель, поликлинику Четвёртого главного управления Минздрава, ведомственный санаторий. Возможность устроить сына в институт, куда поступали не все. По уровню фактического потребления разрыв между союзным министром и квалифицированным инженером был кратным.

И ничего из перечисленного ему не принадлежало.

Квартира была служебной. Дача — государственной. Машина числилась за гаражом. Санаторий полагался по должности. Всё это принадлежало месту, а не человеку, занимавшему место.

Отсюда два следствия.

Первое. При выходе из слоя человек терял всё и одновременно. Не как владелец, который при увольнении теряет доход, но сохраняет накопленное, — а как постоялец, у которого кончился срок. Живущий на доступе вне доступа не имеет ничего.

Второе, и оно важнее. Это нельзя было передать детям.

Дворянин XIX века мог разориться, промотать имение, спиться — но дворянское достоинство его сына от этого не зависело: оно наследовалось по закону, и закон это прямо устанавливал. Секретарь обкома не мог передать сыну ничего, кроме связей. Связи работают, пока работает система связей, и не работают ни дня после.

Представьте человека в президентском люксе лучшего отеля города. Завтрак приносят в номер, консьерж исполняет любую прихоть, у подъезда ждёт машина. И он каждую минуту помнит, что он здесь не хозяин: его могут выселить завтра решением управляющего, и он выйдет на улицу с одним чемоданом. А дети в этот номер не попадут никогда.

Что станет делать такой человек, как только у него появится возможность?

Он станет искать способ переоформить номер на себя.

Это и есть положение, в котором управляющий слой Советского Союза находился к началу восьмидесятых. Он имел всё. Он не владел ничем. Он не мог ничего передать. И у него не было ни одного законного способа это изменить, оставаясь внутри строя.

Планово-распределительная система давала номенклатуре огромную власть и жёстко ограничивала две вещи: личное потребление и возможность обратить власть в наследуемую собственность.

Первое ограничение было тягостным, но переносимым. Второе — непереносимым: оно означало, что всё достигнутое кончается вместе с человеком.

Переход к рынку снимал оба ограничения разом. Он позволял легализовать фактический контроль над предприятиями,

месторождениями и финансовыми потоками — то есть превратить распорядительное положение в прямое владение, а владение в наследство.

В этой логике распад Советского Союза выглядит не катастрофой, постигшей элиту, а операцией, проведённой элитой в собственных интересах: обменом нестабильной, неотчуждаемой власти на стабильную, наследуемую собственность.

Рамка эта не моя. Её сформулировали американские политэкономы Дэвид Котц и Фред Уир в книге с говорящим названием «Революция сверху». Я принимаю её как сильное объяснение функции — и не принимаю их дальнейшего утверждения о сознательном уничтожении номенклатурой собственного государства как доказанного факта об умысле каждого участника. Где кончается расчёт и начинается сговор, я не знаю и утверждать не стану.

Но функция описывается точно, и проверяется она не рассуждением, а нормативными актами.

Их было четыре. Первый подписан в августе 1986 года. С них начнётся следующий разбор — и там же выяснится, откуда взялся товарный дефицит конца восьмидесятых.

Четвёртый материал сезона «Проклятое сословие», всего 10. В следующий раз — откуда взялся дефицит конца восьмидесятых — товаров стало не меньше, денег стало кратно больше, и по каким четырём постановлениям.

Дефицит конца восьмидесятых объясняют исчерпанием плана. Его сделали четыре постановления

№ в серии: 5 из 233 · № в сезоне: 5 из 10 · Сезон: 1 «Проклятое сословие» · Дзен: 30.07.2026 · ЖЖ: 01.09.2026 · Теги: Историческая Россия, Проклятое сословие

Товаров в конце восьмидесятых стало не меньше. Кратно больше стало денег, охотящихся за ними, — и появились эти деньги не из воздуха, а по конкретному постановлению с безобидным названием про творчество молодёжи. Разбираю четыре акта, принятых за три года. Ни одного подпольного.

Демонтаж экономического основания страны шёл не в подполье. Он шёл в нормотворчестве, открыто, с публикацией в сборниках постановлений.

Дееспособный государственный контур не был сломлен — он был обойдён. Рядом с ним, в хозяйственном законодательстве, открылись шлюзы, через которые государственная собственность потекла в частный капитал.

Девятнадцатого августа 1986 года постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР № 991 «О мерах по совершенствованию управления внешнеэкономическими связями» ряду министерств и крупнейших предприятий было предоставлено — с первого января 1987 года — право прямых экспортно-импортных операций.

Звучит как разумное снятие бюрократических барьеров. Означало другое: ведомственные группы получили возможность выводить сырьё за рубеж в обход Госплана. Единый народнохозяйственный план перестал быть сквозным. Возникли изолированные финансовые контуры, замкнутые на внешний рынок, — деньги, которые появлялись внутри страны, а оседали снаружи.

Тринадцатого марта 1987 года постановлением № 321 была развёрнута сеть центров научно-технического творчества молодёжи — под эгидой комсомольских комитетов.

Это самое разрушительное из всего перечня и самое неприметное по названию. Здесь придётся остановиться подробно.

В советской денежной системе существовали два изолированных контура.

Безналичный. Рубли на счетах предприятий. Это были не деньги в бытовом смысле, а плановые единицы учёта: завод мог иметь на счету миллионы и не мог купить на них ничего, кроме предусмотренного планом и договорами поставки. Ими нельзя было выдать зарплату, купить квартиру, приобрести автомобиль.

Наличный. Рубли в руках граждан. Это были деньги в полном смысле: ими покупали товары в магазине.

Между контурами стояла стена, и она была несущей конструкцией всей советской финансовой системы. Она гарантировала, что количество денег, претендующих на потребительские товары, соответствует количеству этих товаров. Пока стена стояла, огромная безналичная масса предприятий не давила на прилавки.

Центры НТТМ получили право обналичивать средства государственных предприятий под посреднический процент, при освобождении от налога.

Механика была проста. Центр заключал с государственным предприятием договор на выполнение работ — научных, внедренческих, любых. Предприятие перечисляло безналичные средства. Центр легально превращал их в наличные, выплачивал исполнителям и оставлял себе процент.

Стена рухнула. К 1990 году действовало более шестисот таких центров и свыше семнадцати тысяч молодёжных кооперативов.

Следствий два, и оба видны невооружённым глазом.

Первое. На потребительский рынок хлынула масса наличных денег, за которой не стояло ни единицы дополнительного товара. Отсюда тот самый дефицит конца восьмидесятых, который принято объяснять исчерпанием плановой системы. Товаров стало не меньше. Денег, охотящихся за ними, стало кратно больше.

Второе. Возникло первое поколение крупных частных состояний, и происхождение их было не производственным, а посредническим. Значительная часть позднейших российских капиталов начинается именно здесь — в конторе с безобидной вывеской про творчество молодёжи. Именно отсюда, по определению Ольги Крыштановской, началась латентная приватизация — за три года до формального старта массовой.

Закон о кооперации 1988 года довершил конструкцию. Кооперативы при государственных предприятиях покупали сырьё по фиксированным внутренним ценам и продавали продукцию по свободным. Механика ценовых ножниц: издержки нёс завод, прибыль оседала у кооператива, а кооператив возглавлял, как правило, человек, состоявший с директором завода в отношениях, не требующих объяснения.

Банковская реформа 1989 года перевела специализированные банки на хозрасчёт и открыла дорогу первым коммерческим. Контур замкнулся: теперь деньги можно было не только сделать и обналичить, но и держать, двигать и приумножать в собственной структуре.

Четыре акта за три года. Ни одного подпольного. Все опубликованы.

Стоит взглянуться в один год — 1987-й.

В Москве, в кабинетах ЦК ВЛКСМ и отраслевых министерств, идёт работа над центрами НТТМ. Люди с безупречными биографиями открывают шлюз, через который из страны начнёт вытекать её экономическая основа. Всё законно, всё оформлено, всё соответствует объявленной линии на ускорение и хозрасчёт.

В те же месяцы, в том же городе, приводится в исполнение приговор Военной коллегии Верховного суда СССР. Двадцать восьмого мая 1987

года расстрелян подполковник Сергей Моторин — сотрудник советской разведки, работавший на ФБР и выданный Олдричем Эймсом. По такому же приговору расстрелян его коллега Валерий Мартынов, выданный тем же источником; в датировке этой казни источники расходятся между 1986 и 1987 годом. Одновременно добиваются остатки американской агентурной сети в стране.

Машина работает безупречно: она находит предателей и уничтожает их.

На одном этаже государства расстреливают за проданные секреты. На другом продают саму страну — и продавцов не то что не расстреливают, а согласовывают им постановления.

Разница между этажами одна: у вторых был партийный билет.

Титан сохранил зрение на внешнего врага и потерял его на внутреннего. Его собственные кураторы в этот самый час выносили у него из-под ног государство.

Как именно его ослепили — разберём в следующий раз. Это делалось не в восемьдесят седьмом, а на тридцать лет раньше, и снимали не одну защиту, а пять. Пока запомним главное: к моменту, когда открывались шлюзы, он был зрячим и сильным.

Пятый материал сезона «Проклятое сословие», всего 10. В следующий раз — пять механизмов, которые снимали за несколько лет после 1953 года, — и почему экономический ограничитель сняли первым.

У Берии были дивизии. У Маленкова — картотека

№ в серии: 6 из 233 · № в сезоне: 6 из 10 · Сезон: 1 «Проклятое сословие» · Дзен: 03.08.2026 · ЖЖ: 03.09.2026 · Теги: Историческая Россия, Проклятое сословие, Несокрушимая и легендарная

26 июня 1953 года на заседании Президиума ЦК в Кремле был арестован Лаврентий Берия — глава объединённого МВД, которому подчинялись оперативный аппарат, агентура, следствие, лагерная система и правительственная связь. Арест обеспечила группа военных во главе с Жуковым, заранее введённая в Кремль. Ни одно подразделение его собственного ведомства не сделало ничего.

Две границы обозначу сразу. Таманская и Кантемировская дивизии в тот день были введены в Москву — это подтверждают несколько независимых описаний; расхожая цифра «более трёхсот танков» документально не подтверждается, и я её не привожу. Что было с Берией после 26 июня — вопрос спорный: существует версия, что его убили в день задержания, а декабрьский процесс оформлял уже совершённое. Версия не маргинальная и не доказанная. Оставляю открытой.

Существенно другое. Человека, у которого была вся физическая сила в стране, устранили люди, у которых её не было вовсе.

И это случалось раньше. В сентябре 1936 года с поста наркома внутренних дел был снят Генрих Ягода. В ноябре 1938-го — Николай Ежов. Оба раза решение принималось наверху. Оба раза аппарат оставался на месте и работал дальше под новым начальником.

Три случая подряд — это не характеры. Это устройство.

ДВА ДОСЬЕ НА ОДНОГО ЧЕЛОВЕКА

В декабре 1934 года в аппарате ЦК был создан Отдел руководящих партийных органов. Ежов возглавлял его до февраля 1936 года, затем —

Георгий Маленков, работавший там с 1934-го и заведовавший отделом до 1939-го.

В 1935–1936 годах отдел провёл кампанию проверки и обмена партийных документов. Формально — техническое мероприятие: замена бланков, сверка данных. Фактически по её итогам в руках партийного аппарата оказались учётные карточки-досье на всех членов и кандидатов партии, порядка двух с половиной миллионов единиц.

С этого дня на каждого человека в управляющем слое существовало два досье, и делали они разные вещи.

Досье органов фиксировало подозрение. Оно давало основание для оперативных действий.

Учётная карточка партийного аппарата фиксировала назначаемость. Она определяла допуск к должности.

В этом вся конструкция. Человек с материалами в органах, но с чистой карточкой мог быть назначен. Человек с испорченной карточкой не мог быть назначен никогда — при любом состоянии оперативных материалов.

Сила действует поштучно. Реестр действует на популяцию.

Как это выглядит на живом человеке, лучше всего видно на самом Ежове.

МЕСЯЦ, ЗА КОТОРЫЙ ЕЖОВ ПЕРЕСТАЛ СУЩЕСТВОВАТЬ

В НКВД он пришёл в сентябре 1936 года не с пустыми руками: заведующий Отделом руководящих партийных органов, председатель Комиссии партийного контроля, секретарь ЦК. Картотека за спиной.

В ноябре 1938 года он лишился НКВД — и с ним не произошло ничего. Он остался секретарём ЦК, председателем КПК и наркомом водного транспорта. Полгода к человеку, только что руководившему всей госбезопасностью страны, никто не прикасался.

Потом с него сняли партийную составляющую.

10 марта 1939 года Ежов выведен из Политбюро и Оргбюро ЦК. 9 апреля уволен с последней остававшейся должности. 10 апреля арестован.

В феврале 1940-го расстрелян.

Между изъятием партийной опоры и арестом прошли сутки.

Пока за ним стоял реестр, он был неприкосновенен — командуя ведомством или не командуя. Как только реестр перестал за ним стоять, весь прежний оперативный ресурс не стоил одного дня.

Человек, который вёл картотеку страны, был вычеркнут из неё.

Через четырнадцать лет ту же процедуру применили к Берии. Быстрее.

ИЮНЬ 1953: ТО ЖЕ САМОЕ ЗА ОДИН ВЕЧЕР

Берия не решал, кого назначат на его место. Он не мог воспроизвести ни одного своего человека — а тот, кто мог, сидел за тем же столом: Маленков к тому моменту два десятилетия имел дело с кадровым учётом страны.

18–23 декабря 1953 года прошёл закрытый процесс под председательством маршала Конева. Вместе с Берией расстреляны Всеволод Меркулов, Владимир Деканозов, Богдан Кобулов, Сергей Гоглидзе, Павел Мешик, Лев Влодзимирский — высшее профессиональное ядро госбезопасности, люди с десятилетиями оперативного опыта.

В июле 1954-го расстрелян Михаил Рюмин. В декабре 1954-го — Виктор Абакумов, руководитель «СМЕРШ» военных лет и министр госбезопасности в 1946–1951 годах; взят он был ещё в июле 1951-го, то есть арестовала его одна власть, а расстреляла другая.

Уничтожались фигуры из враждовавших между собой групп: мишенью был не клан, а руководящий слой органов целиком.

И чтобы не осталось сомнений, что дело в правиле, а не в ведомстве, — посмотрите, что стало с тем, кто Берию арестовывал.

В октябре 1957 года Жуков снят с поста министра обороны и выведен из руководящих органов партии; операцию готовили, пока маршал был с визитом за рубежом. Публично добывать его вышел Конев — тот самый,

что четырьмя годами раньше председательствовал в суде над Берией. Статья появилась в «Правде» 3 ноября 1957 года.

Армия обезглавила госбезопасность. Через четыре года аппарат убрал армию.

Сила изымает, но не воспроизводит себя. Поэтому она всегда инструмент, а не хозяин.

ПЯТЬ МЕХАНИЗМОВ

К началу 1953 года управляющий слой удерживался в служилом состоянии пятью механизмами.

Реестр. Кадровый учёт в партийном аппарате — тот самый.

Независимый информационный канал. Структура, замкнутая на Особый сектор ЦК, образованный 10 марта 1934 года на базе Секретного отдела. Канал давал верхней инстанции картину положения на местах, не проходящую через тех, о ком она составлена. Вёл его один человек — Александр Поскрёбышев, заведующий Секретным отделом с 22 июля 1930 года и Особым сектором до 1952-го. Больше двадцати лет один человек на одном участке; этим и объясняется, почему после его ухода канал не восстановился.

Компромат. Накопленный материал при монопольном праве активации сверху. Инструмент действует именно тем, что не применяется: работник, о котором известно достаточное, исполнителен постоянно, а не в момент проверки.

Ротация. Принудительное перемещение, разрывающее срастание с местом.

Мера ответственности. Крайняя мера, применявшаяся к номенклатурному работнику наравне с прочими гражданами. Взгляните на даты выше: последними, к кому её применили, были руководители ведомства — декабрь 1953-го, июль и декабрь 1954-го. К работникам партийного аппарата после этого — ни разу.

Все пять держались на одном условии. Условие перестало существовать в конкретный вечер.

ВЕЧЕР 5 МАРТА 1953 ГОДА

В Кремле идёт совместное заседание Пленума ЦК, Совета Министров и Президиума Верховного Совета. Начало — около двадцати часов, конец — двадцать один сорок. Официально объявленное время смерти Сталина: двадцать один пятьдесят.

Полноту власти в стране перераспределили за десять минут до того, как её носителя признали умершим.

Тем же заседанием Президиум ЦК сокращён с двадцати пяти членов до одиннадцати, Секретариат — с десяти секретарей до шести.

Заговора это не доказывает: состояние умирающего было известно заранее. Доказывает другое — подготовку завершили до наступления события, ради которого готовились.

ЧТО СНЯЛИ И В КАКОМ ПОРЯДКЕ

Все пять механизмов были внешними по отношению к слою. Ни один не срабатывал сам. Реестр вели люди. Канал существовал, пока его поддерживали. Компромат активировался по чьему-то решению. Ротация назначалась. Крайняя мера применялась.

Снимали их в порядке угрозы, которую каждый представлял для слоя.

Первым устранили то, что давало персональный риск. И это была не отмена на бумаге, а физическая работа. Иван Серов, возглавивший КГБ в марте 1954 года, вычистил ведомство: по справке к июньскому пленуму 1957 года — восемнадцать тысяч уволенных, свыше двух тысяч трёхсот из них за нарушения законности и злоупотребления, сорок человек лишены генеральских званий. Параллельно шла работа с архивом: компрометирующие материалы изымались, вводилась норма временного хранения с последующим уничтожением — по публикациям на основе

рассекреченных документов, счёт идёт на дела более чем по шести миллионам человек.

Материал, которого нет, активировать нельзя.

Вторым перестал действовать независимый информационный канал — вместе с человеком, который его вёл.

В последнюю очередь дошли до реестра. И здесь самое интересное во всей истории.

Реестр не уничтожили. Его переприсвоили.

Механизм, прежде удерживавший слой в служилом состоянии, стал механизмом, которым слой воспроизводит сам себя. Тот же учёт, те же карточки, та же процедура — обратный знак. Раньше реестр определял, кого центр может назначить. Теперь — кого слой согласен принять.

И ни один из снятых механизмов не был заменён другим. На место внешнего контроля не пришёл ни правовой, ни выборный, ни какой бы то ни было ещё.

В этом вся разница между реформой и капитуляцией.

ПРОВЕРКА ОТ ОБРАТНОГО

19–23 июня 1990 года в Москве прошла Российская партийная конференция с участием 2 768 делегатов, объявившая себя учредительным съездом Компартии РСФСР. 22 июня первым секретарём избран Иван Полозков.

В стране появился второй реестр — собственная партийная номенклатура Российской Федерации, отдельная от союзной.

Союзный центр перестал существовать через полтора года. Вся сила формально оставалась при нём: армия, органы, связь, границы. Не хватало ровно одного — монополии на то, кто существует в качестве кандидата.

Та же арифметика, что в апреле 1939-го стоила Ежову одних суток. Только в масштабе государства и с растяжкой на восемнадцать месяцев.

Остаётся вопрос, на котором я закончу, потому что ответа у меня нет.

Можно ли построить ограничитель для управляющего слоя, который не требует чьей-то воли наверху, а срабатывает сам — как срабатывает истёкший срок полномочий? Или всякий такой механизм рано или поздно оказывается в руках тех, кого должен ограничивать, — как оказалась картотека?

В русской истории это проверяли однажды. Служилое сословие, получившее права без обязанностей, перестало создавать и обменяло государство на собственное благополучие.

Документ, с которого это началось, подписан в феврале 1762 года.

Шестой материал сезона «Проклятое сословие», всего 10. В следующий раз — манифест 18 февраля 1762 года — документ, снявший с сословия обязанность служить, и что стало со страной через сто пятьдесят пять лет.

Он освободил дворян — и через 130 дней они его свергли

№ в серии: 7 из 233 · № в сезоне: 7 из 10 · Сезон: 1 «Проклятое сословие» · Дзен: 04.08.2026 · ЖЖ: 05.09.2026 · Теги: Историческая Россия, Проклятое сословие

Император Пётр III, собираясь провести вечер с фрейлиной Елизаветой Воронцовой, объявил, что запирается для дела чрезвычайной важности. Секретарю Дмитрию Волкову он велел к утру написать какой-нибудь важный закон, не сказав какой. Наутро был готов Манифест о вольности дворянства. Рассказ ходит по литературе полтора столетия. Он неверен — и вреден именно тем, чем приятен.

Начну с того, что известно достоверно.

Пётр III вступил на престол 25 декабря 1761 года. 17 января 1762 года, во время первого официального посещения Правительствующего Сената, он объявил, что позволяет дворянам «службу продолжать по своей воле, сколько и где пожелают» — с оговоркой, что в военное время явиться обязаны все. Сенаторам было предписано подготовить проект манифеста.

Проект был готов к 8 февраля 1762 года.

Три недели. Коллегиальная работа высшего государственного органа.

И ещё одно обстоятельство, которое анекдот не переживает. По свидетельству Якоба Штелина, о желании даровать дворянству свободу служить и не служить Пётр говорил ещё будучи наследником престола, — то есть до всякого свидания и всякой ночи.

Анекдот, следовательно, не просто недостоверен. Он вреден: предлагает считать, что важнейший акт в истории русского сословного строя вышел случайно, от скуки. А значит — снимает вопрос о том, кто был в этом заинтересован.

ЧЕСТНЫЙ ОТВЕТ ПРО ЗАИНТЕРЕСОВАННЫХ

Здесь я обязана остановиться, потому что напрашивающийся ответ современная историография не подтверждает.

Соблазнительно сказать: проект писали те, кто от него выигрывал. Но Михаил Киселёв, разбиравший историю текста манифеста по источникам, включая ранее не публиковавшиеся, ставит под вопрос саму версию о борьбе дворянства за свои права. Более того: Уложенная комиссия 1761 года под руководством Романа Воронцова и под влиянием идей Ивана Шувалова была связана не с вольностью служить и не служить, а скорее с элементами её ограничения — вроде запрета на отставку тем, кто не дослужился до обер-офицерского чина.

Так что мотив авторов я предъявить не могу. Историография спорна, свидетельства современников между собой не согласуются, и достоверным признаётся только личное участие императора.

Запомните это место. Оно повторится дословно через сто семьдесят лет.

Мой тезис не о мотиве. Он о следствии — а следствие документируется полностью.

ЧТО ПОДПИСАЛИ 18 ФЕВРАЛЯ

18 февраля 1762 года Пётр III подписал Манифест о даровании вольности и свободы всему российскому дворянству. Полное собрание законов Российской империи, том пятнадцатый, номер 11444.

Дворянство впервые в русской истории освобождалось от обязательной государственной службы — военной и гражданской.

Теперь содержание, с той медлительностью, которой оно заслуживает.

Отменена была обязанность — то есть основание, ради которого сословие получило свои права.

Сохранены были права. Земля. Крестьяне на ней. Монопольное право владения населёнными землями. Юридические преимущества. Свобода от податей.

Не отобрано ничего. Не прибавлено почти ничего. Внешне не изменилось решительно ничто: те же люди владели теми же имениями в тех же границах, и крестьянин, проснувшийся 19 февраля 1762 года, не обнаружил в своей жизни ни единой перемены.

Изменилось основание.

До 18 февраля владение держалось на исполнении: помещик владел, потому что служил, и переставал владеть, если переставал служить. После 18 февраля владение держалось на самом факте владения.

Связь между службой и правом была разорвана. Право осталось.

ЧЕРЕЗ СТО СЕМЬДЕСЯТ ЛЕТ

Скажу, что произошло со мной, когда я прочитала это впервые — уже проработав советский материал.

Я читала не про XVIII век.

Постановление Политбюро от 8 февраля 1932 года — протокол № 87, пункт девятый, приложение второе — отменило партмаксимум.

Чтобы понять, что это значит, надо знать, что отменялось. Декретом Совнаркома от 1 декабря 1917 года предельный оклад народного комиссара был установлен в пятьсот рублей, с доплатой в сто рублей на каждого ребёнка. Декретом ВЦИК от 23 июня 1921 года заработная плата ответственного работника ограничена ста пятьюдесятью процентами от средней зарплаты в подведомственных ему учреждениях.

Смысл конструкции — в одной фразе, и её надо произнести медленно. Управляющий не может богатеть быстрее управляемых.

Через полтора года конструкцию достроили с другой стороны. Постановлением Политбюро № 144 от 29 августа 1933 года для ответственных политических работников установлены три категории оплаты: четыреста — пятьсот, шестьсот — семьсот, восемьсот — девятьсот рублей. Продвижение по аппаратной лестнице стало автоматически означать рост личного благосостояния.

Оценку дал современник изнутри системы: по мнению академика Евгения Варги, после отмены партмаксимума началось распадение советского общества на слои с огромными различиями в доходах.

Была ли отмена уступкой формирующемуся слою или вынужденной мерой по удержанию специалистов в кадровый голод первой пятилетки — я не знаю. Документа, фиксирующего мотив, нет.

Ровно как и в 1762 году. Мотив недоказуем дважды. Следствие одинаково дважды.

И одна деталь, которую я обязана назвать сама, иначе её приведут как знамение: манифест был готов 8 февраля 1762 года, постановление об отмене партмаксимума прошло 8 февраля 1932-го. Это совпадение чисел. Оно не значит ничего, и я привожу его только затем, чтобы оно не пошло гулять в качестве смысла.

И ЕЩЁ ЧЕРЕЗ ДВАДЦАТЬ ПЯТЬ ЛЕТ

В июне 1957 года группа высших руководителей попыталась сместить Хрущёва и располагала большинством в Президиуме ЦК — семь голосов против четырёх. Попытка провалилась: вопрос перенесли с Президиума на Пленум.

Проигравших не тронули.

Молотов получил назначение послом в Монголию, затем представителем при МАГАТЭ в Вене. Маленков поехал директором Усть-Каменогорской электростанции в Казахстан. Каганович — директором Уральского горно-обогатительного завода. Из партии их исключили только в начале шестидесятых.

В прежней системе поражение такого масштаба означало бы предел. Теперь оно означало перевод на электростанцию.

Июнь 1957 года снял с проигравших последнюю меру ответственности — и создал правящий слой, для которого власть перестала быть риском и стала средой обитания.

ТРИ АКТА, УСТРОЕННЫЕ ОДИНАКОВО

Каждый раз снимается то, что делало положение обусловленным. Каждый раз положение остаётся. Каждый раз формально не меняется ничего: те же люди, те же места, те же законы. Каждый раз меняется основание — и в тот день этого не замечает никто.

И деталь, от которой мне до сих пор не по себе.

Каждый раз акт проводит рукой та власть, которая от него не выигрывает.

Манифест 1762 года подписал император, свергнутый 28 июня того же года гвардией — то есть тем самым сословием, которое он освободил. Между подписью и переворотом прошло сто тридцать дней.

Ограничители 1953–1957 годов снял человек, которого этот слой отстранит в октябре 1964-го — и отстранит буквально теми процедурами, которые сам же и создал.

Тот, кто разбирает плотину, редко бывает первым, кого уносит водой. Но он всегда бывает в списке.

ПОЧЕМУ ЕЁ НИКТО НЕ ЗАЩИТИЛ

Объясняя февраль 1917 года, обычно идут в сторону предреволюционных десятилетий: революционное движение, война, ошибки правительства, влияние Распутина. Всё это было и всё относится к делу. Но это отвечает на вопрос, почему рухнула власть, а не на вопрос, почему её никто не защитил.

К 1917 году русское дворянство сто пятьдесят пять лет не было обязано служить.

Не «плохо служило» и не «уклонялось». Юридически, по закону, оно не имело обязанности служить государству вовсе — и сохраняло при этом все права, полученные именно за службу.

Остаётся вопрос, и ответа у меня нет.

Может ли право держаться на чём-то, кроме обязанности, — на воспитании, на понятии чести, на здравом расчёте самого сословия? Или

как только обязанность снята, срок до расплаты становится вопросом простой арифметики, и весь спор идёт лишь о том, сколько десятилетий он займёт?

У русской истории есть ответ на это, и он неутешительный. Сто пятьдесят пять лет.

Что делает сословие, получившее права без обязанностей, когда ему предлагают обменять государственный интерес на частную выгоду, — следующий разбор. Дело было на корейской реке Ялу, и кончилось оно войной с Японией.

Седьмой материал сезона «Проклятое сословие», всего 10. В следующий раз — концессия на реке Ялу — как частный интерес нескольких лиц у трона стал государственной политикой и привёл к войне.

Витте уволили в 1903-м. Мир после войны подписывал он же

№ в серии: 8 из 233 · № в сезоне: 8 из 10 · Сезон: 1 «Проклятое сословие» · Дзен: 05.08.2026 · ЖЖ: 07.09.2026 · Теги: Историческая Россия, Проклятое сословие

В августе 1896 года владивостокский купец первой гильдии Юлий Бринер — швейцарец по происхождению, дед будущего голливудского актёра Юла Бриннера — получил от корейского правительства концессию на лес в бассейне реки Ялу сроком на двадцать лет. Денег на освоение у него не было, и он пошёл искать инвесторов. Через восемь лет из этих поисков выйдет война с Японией.

Сначала о том, зачем этот сюжет вообще нужен.

Между отменой обязательной службы и 1917 годом лежит полтора столетия, и в них произошло превращение, которое надо назвать точно. Дворянин, вышедший в отставку в 1763 году, просто не служил. Участник дальневосточных предприятий 1900-х годов служил себе — располагая государственным ресурсом.

Разница между «не служит» и «служит себе за казённый счёт» и есть весь предмет разбора.

КТО ОТОЗВАЛСЯ НА ОБЪЯВЛЕНИЕ

К началу 1898 года вокруг отставного кавалергарда Александра Михайловича Безобразова сложилась группа с целью учредить акционерное общество для эксплуатации естественных богатств Кореи и Маньчжурии.

Состав стоит прочитать целиком, потому что он делает всю работу без единого слова комментария.

Великий князь Александр Михайлович. Контр-адмирал Алексей Михайлович Абаза. Предприниматель Владимир Михайлович Вонлярлярский. Крупные землевладельцы Николай Петрович Балашов и

Михаил Владимирович Родзянко — тот самый, который через пятнадцать лет станет председателем Государственной думы и будет принимать отречение. Князь Илларион Иванович Воронцов. Граф Феликс Феликсович Сумароков-Эльстон. Вячеслав Константинович Плеве.

Канал доступа тоже известен и не был тайной: Безобразов приятельствовал с Вонлярлярским и давно работал с Илларионом Ивановичем Воронцовым-Дашковым — министром императорского двора.

Разорившийся лесной подряд, великий князь, контр-адмирал, будущий председатель Думы и министр внутренних дел — в одном списке.

1901–1903

В 1901 году на ссуду из личных средств царской семьи было учреждено Русское лесопромышленное товарищество на реке Ялу.

К 1903 году предприятие потерпело финансовый крах.

А теперь самое главное во всей истории.

Именно в момент краха влияние группы при дворе достигло максимума.

ПЯТЬ РЕШЕНИЙ ЗА ПЯТЬ МЕСЯЦЕВ

Май 1903 года. Безобразов получает почётное звание статс-секретаря.

Июль 1903 года. Учреждено наместничество на Дальнем Востоке.

Август 1903 года. Сергей Юльевич Витте, министр финансов и главный противник группы, снят с должности. Формально он не был уволен со службы: его переместили председателем Комитета министров — на пост высокий, почётный и лишённый реальных полномочий.

Сентябрь 1903 года. Учреждён Особый комитет по делам Дальнего Востока.

Февраль 1904 года. Началась война с Японией.

Между банкротством фирмы и первыми выстрелами — меньше года. Между устранением ведомства, оценивавшего риск, и войной — шесть

месяцев.

ЧТО ЗДЕСЬ ПРОИЗОШЛО ПО УСТРОЙСТВУ

Разберём последовательность, потому что в ней всё.

Частное предприятие, не имеющее хозяйственных перспектив и разорившееся, было конвертировано его участниками в государственную политику.

Не наоборот. Не государственный интерес привлёк частных лиц к его обеспечению. Частные лица, потерпев коммерческую неудачу, добились того, чтобы государство приняло их предприятие на себя, устранило их оппонентов в правительстве и создало под них административную структуру.

Механизм не требует ни заговора, ни злой воли. Он требует двух условий: доступа частных лиц к точке принятия решений и отсутствия инстанции, способной этот доступ ограничить.

Оба к 1903 году были налицо. Доступ обеспечивался родством, придворным положением и личными отношениями. Ограничитель убрали ровно тогда, когда его оценка стала неудобной.

ФРАЗА, КОТОРУЮ Я НЕ ПРИВЕДУ КАК ДОКАЗАТЕЛЬСТВО

О безобразовской группе принято вспоминать в связи со словами, которые все знают: чтобы удержать революцию, нужна маленькая победоносная война. Их приписывают Плеве в разговоре с военным министром Куропаткиным.

Разберу это место, потому что оно показательное.

Источник у фразы ровно один — «Воспоминания» Витте, изданные в Берлине в 1922 году. Историки Борис Ананьич и Рафаил Ганелин ещё в 1963 году допускали, что выражение пустил в ход сам Витте, приписав его Плеве: в дневнике Куропаткина сходная позиция Плеве упоминается, но без тех подробностей, которые приводит Витте.

Свидетель здесь — сторона, устранённая этой самой группой. Так что фраза остаётся ярким литературным фактом и не годится в доказательство ничего.

Хорошо, что она и не нужна: последовательность из пяти решений говорит сама.

И ещё одна честная оговорка, без которой материал читается неправильно. Я не утверждаю, что участники группы желали войны и поражения. Свидетельства говорят скорее о расчёте на быструю и лёгкую кампанию. Утверждаю достаточное: частный интерес узкой группы стал содержанием государственной политики, и государство заплатило за это войной.

СЧЁТ

14–15 мая 1905 года при Цусиме погибла Вторая тихоокеанская эскадра. Война была проиграна. Следом пришла первая революция.

А дальше — деталь, ради которой стоило разбирать весь сюжет.

Мирный договор с Японией подписывал Сергей Юльевич Витте. Тот самый, чью оценку риска сочли помехой. 23 августа 1905 года в Портсмуте — ровно через два года после того, как его убрали с поста министра финансов. За результат он получил графский титул.

Человека, устранённого за неудобный прогноз, вернули, чтобы он оформил последствия собственного устранения.

ТОТ ЖЕ МЕХАНИЗМ ЧЕРЕЗ ВОСЕМЬДЕСЯТ ЛЕТ

В 1986–1990 годах частный интерес управляющего слоя был конвертирован в нормативные акты. Под него переписали внешнеторговое регулирование, денежное обращение, хозяйственное и банковское право.

Тот же механизм. Те же два условия: доступ к точке принятия решений и отсутствие инстанции, способной его ограничить.

Разница в одном, и она не в пользу второго случая. В 1903 году ограничитель ослабили и обошли персонально: Витте убрали, но

ведомство осталось, и через два года понадобился лично он. В 1986 году устранять было нечего. Всё, что могло ограничить, устранили тридцатью годами раньше — и об этом был предыдущий разбор.

Разница и в масштабе. Дальневосточная группа переписывала под себя политику на одном направлении. В восьмидесятые под себя переписывали хозяйственное устройство страны.

Остаётся вопрос, и он не риторический.

Оба раза ограничителем оказывался человек на должности — Витте, ведомство, оценка риска. И оба раза человека на должности убрали одним решением. Существует ли вообще ограничитель, который нельзя снять кадровым приказом? Или любая проверка риска в итоге упирается в конкретного чиновника, которого можно переместить, — и тогда весь вопрос лишь в том, сколько времени это займёт?

Но был в русской истории и обратный случай. Один раз реформу, шедшую прямо против интереса привилегированного слоя, провели против воли этого слоя — и провели до конца.

О нём — следующий разбор.

Восьмой материал сезона «Проклятое сословие», всего 10. В следующий раз — 1861 год — как отменили крепостное право вопреки сословию, которое от него кормилось, и чего это стоило.

Главного автора реформы уволили через 61 день. Реформа устояла

№ в серии: 9 из 233 · № в сезоне: 9 из 10 · Сезон: 1 «Проклятое сословие» · Дзен: 06.08.2026 · ЖЖ: 09.09.2026 · Теги: Историческая Россия, Проклятое сословие

6 февраля 1860 года умер генерал Яков Ростовцев, возглавлявший комиссии, которые готовили отмену крепостного права. На его место назначили министра юстиции графа Виктора Панина — человека с репутацией убеждённого крепостника, и назначение это было прямой уступкой дворянству. Через год и тринадцать дней реформа была подписана.

К середине 1850-х годов положение было тупиковым.

Привилегированный слой не имел обоснования своих прав. Хозяйственная основа подтачивалась: доходность имений падала, крепостной труд, лишённый внешнего смысла, оставался малопродуктивным, попытки хозяйственной модернизации в помещичьей среде были единичны. Военное поражение обнаружило отставание.

Всякое обсуждение упиралось в одно. Отмена сложившегося порядка лишает сословие основы. Сохранение — лишает всякого оправдания.

Выйти из этого изнутри сословия было нельзя. Выход нашёлся извне.

Весной 1856 года, выступая перед представителями московского дворянства, Александр II объявил замысел — и объявил с прямым указанием на альтернативу: «лучше отменить сверху, нежели дожидаться, когда оно начнёт отменяться снизу».

КОМИТЕТЫ ИЗ САМИХ ПОМЕЩИКОВ

Разработку передали губернским комитетам, составленным из самих помещиков.

Результат был тот, которого следовало ожидать. Комитеты в большинстве предлагали освобождение либо без земли, либо с наделами, недостаточными для существования, при сохранении за помещиком максимума прежних выгод.

В марте 1859 года при Главном комитете были образованы Редакционные комиссии — тридцать один человек: чиновники ведомств и члены-эксперты из поместного дворянства. Председателем стал Ростовцев, фактическую работу вёл товарищ министра внутренних дел Николай Милютин, среди экспертов были Юрий Самарин и князь Владимир Черкасский.

Материал губернских комитетов комиссии свели. Логiku их не приняли.

Итоговые Положения дали освобождаемым земельный надел за выкуп — решение, прямо ущемлявшее сословный интерес и на местах воспринятое соответственно.

ТРИ УДАРА ПО ИСПОЛНИТЕЛЯМ

Дальше начинается то, ради чего этот сюжет вообще стоит разбирать.

Удар первый. 6 февраля 1860 года, после трёхмесячной болезни, Ростовцев умер — за год до подписания. Председателем комиссий назначили Виктора Панина, министра юстиции, известного крепостническими взглядами. Современники восприняли это как поворот. Поправки крепостников в проект вносились и дальше.

Реформа не остановилась.

Удар второй. 19 февраля 1861 года Александр II подписал Манифест и Положения — семнадцать законодательных актов. Первый вариант манифеста написал Самарин, окончательный текст отредактировал московский митрополит Филарет. 5 марта его прочитали в церквях.

Удар третий. 21 апреля 1861 года Николай Милютин был отставлен от Министерства внутренних дел и назначен сенатором. Вместе с ним ушёл министр внутренних дел Сергей Ланской. Причина в справочниках

формулируется без иносказаний: увольнение потребовалось, чтобы снять напряжение с поместным дворянством, недовольным отменой крепостного права.

Шестьдесят один день между подписанием закона и отставкой того, кто его сделал.

Сословие взяло реванш на исполнителе — единственное, что ему осталось. Закон оно отменить не могло.

ПОЧЕМУ ЭТО ОКАЗАЛОСЬ ВОЗМОЖНО

В русской сословной конструкции существовала инстанция, способная действовать против интереса привилегированного сословия, — и она этой способностью воспользовалась.

Инстанцией было самодержавие. Оно опиралось на дворянство, комплектовало им армию и администрацию, во многом от него зависело. И тем не менее в решающий момент поступило вопреки.

Возможным это делали четыре свойства, и каждое понадобится через минуту.

Самодержавие не входило в дворянское сословие: оно стояло над ним.

Оно обладало собственным основанием легитимности, не зависящим от сословного согласия: власть государя выводилась из порядка престолонаследия и церковного помазания, и отменить это решением дворянских собраний было нельзя.

Оно располагало аппаратом принуждения, присягавшим лично государю, а не сословию.

И — главное, о чём почти никогда не думают, — оно имело процедуру замещения. Государь умирал, и на его место по установленному Основными законами порядку вставал следующий, обладающий тем же основанием и той же способностью действовать против сословного интереса.

Ограничитель переживал своего носителя. Это не теория: он пережил смерть Ростовцева, пережил назначение на его место крепостника,

пережил отставку Милютин — и пережил самого Александра II, убитого 1 марта 1881 года. Закон продолжал действовать при всех.

Плотина 1762 года была разобрана. Но за ней стояла вторая, и вторая держала.

ЦЕНА, КОТОРУЮ НАДО НАЗВАТЬ

Реформа была половинчатой, и умалчивать об этом нельзя.

Освобождение оплатили сами освобождённые. Выкупные платежи взимались до тех пор, пока их не отменил Манифест 3 ноября 1905 года: с 1 января 1906-го наполовину, с 1 января 1907-го — полностью.

Сорок шесть лет. И прекратила их не логика реформы, а революция.

Замечу попутно: манифест 1905 года выпущен при председателе Совета министров Сергее Витте — том самом, о котором был предыдущий разбор. Устранённый в 1903-м ограничитель подписывал и мир с Японией, и закрытие счёта 1861 года.

ТЕПЕРЬ ПОЛОЖИМ РЯДОМ ВТОРОЙ СЛУЧАЙ

К 1957 году в советской конструкции не осталось ни одной инстанции с этими свойствами. Ни одной.

Партийный аппарат был самым слоем. Государственный аппарат замещался по номенклатурному реестру — то есть тем же слоем. Органы государственной безопасности лишились субъектности в 1953–1956 годах и были подчинены партийному аппарату. Армия отодвинута в октябре 1957-го.

Правовой процедуры, действующей помимо воли властвующего, не существовало: возбуждение дела против номенклатурного работника требовало санкции партийного органа. Выборности, способной сменить руководителя помимо его согласия, не было. Независимого контроля не было.

А верхняя функция, до 1953 года игравшая роль ограничителя, процедуры замещения не имела — потому что не имела описания. Она не

пережила своего носителя.

Некому было сыграть 1861 год.

> Дворянская конструкция была разобрана сверху — с тяжёлыми издержками, с полувековым отложенным счётом, но без гибели государства.

> Номенклатурная конструкция не имела никого, кто мог бы её разобрать, и была разобрана единственным оставшимся способом — вместе с государством.

Советский случай не повторение первого. Он его усугубление.

ПОЧЕМУ ОНИ ВЕЛИ СЕБЯ ПРОТИВОПОЛОЖНО

Отсюда объясняется то, что в классовых категориях объяснить невозможно.

Дворянство существующий порядок сохраняло и сопротивлялось переменам. Номенклатура существующий порядок разрушала.

Причина — в природе привилегии.

Дворянская была вещной: земля, крестьяне, капитал. Её можно унести с собой, передать детям, защитить в суде. Всякая перемена была для дворянства угрозой, и в 1861 году оно сопротивлялось как консерватор: хотело, чтобы всё осталось как есть.

Номенклатурная была доступом. Кресло, дача, распределитель — всё принадлежало должности, не наследовалось и утрачивалось одномоментно. Чтобы сохранить это при выходе из слоя, требовалось сменить сам строй.

Дворянство разобрало плотину и осталось за ней сидеть. Номенклатура разобрала плотину и ушла вместе с водой.

Отсюда и разница в темпе. Дворянской траектории потребовалось от Уложения до размена около двухсот семидесяти лет, из них сто пятьдесят пять после снятия обязанности. Номенклатурной — семьдесят четыре года, из них тридцать четыре.

Владеющий разлагается медленно. Располагающийся спешит.

Остаётся вопрос, и он для меня открыт.

1861 год удался потому, что инстанция стояла вне сословия, не зависела от его согласия и переживала собственного носителя. Все три свойства несовместимы с выборностью в обычном её понимании: избранный зависит от избирающих.

Значит ли это, что ограничитель для управляющего слоя обязан быть внешним по отношению к нему — и тогда всякий раз встаёт вопрос, кто ограничит его самого? Или возможна конструкция, где эту роль играет процедура, а не инстанция?

Своего ответа у меня нет. Но одного акта 1762 года сословию было мало: положение, лишённое основания, уязвимо, потому что держится на том, что власть его не оспаривает, — а власть меняется.

Через двадцать три года сословие получило документ, который защитил приобретённое. И там же появился признак, сложившийся в советском случае явочным порядком: собственный суд.

Девятый материал сезона «Проклятое сословие», всего 10. В следующий раз — жалованная грамота дворянству 1785 года — как сословие получило право судиться только своими, и что из этого вышло через два века.

Одних расстреливали за проданные секреты. Другим согласовывали постановления

№ в серии: 10 из 233 · № в сезоне: 10 из 10 · Сезон: 1 «Проклятое сословие» · Дзен:
07.08.2026 · ЖЖ: 11.09.2026 · Теги: Историческая Россия, Проклятое сословие

1987 год, Москва. Советская контрразведка ведёт на расстрел подполковника Валерия Мартынова и подполковника Сергея Моторина — офицеров, работавших на американскую разведку и выданных Олдричем Эймсом. Машина работает безупречно. В те же месяцы, в том же городе, в кабинетах ЦК ВЛКСМ и отраслевых министерств согласуют постановление, через которое из страны начнёт вытекать её экономическая основа.

13 марта 1987 года постановлением номер 321 была развёрнута сеть центров научно-технического творчества молодёжи — под эгидой комсомольских комитетов.

Название безобидное до неприличия. Содержание такое.

В советской денежной системе существовали два изолированных контура. Безналичный — рубли на счетах предприятий, плановые единицы учёта: завод мог иметь на счету миллионы и купить на них только то, что предусмотрено планом. И наличный — рубли в руках граждан, деньги в полном смысле слова.

Между контурами стояла стена. Она гарантировала, что количество денег, претендующих на товары в магазине, соответствует количеству этих товаров.

Центры НТТМ получили право обналичивать средства государственных предприятий под посреднический процент, при освобождении от налога.

Стена рухнула. К 1990 году действовало более шестисот таких центров и свыше семнадцати тысяч молодёжных кооперативов.

Дальше конструкцию достроили: закон о кооперации 1988 года открыл механику ценовых ножниц — сырьё по фиксированным внутренним

ценам, продукция по свободным, издержки на заводе, прибыль в кооперативе. Банковская реформа 1989 года перевела спецбанки на хозрасчёт и открыла дорогу первым коммерческим.

Ни одного подпольного акта. Все опубликованы.

СРАЗУ ОБ ОДНОЙ ВЕРСИИ, КОТОРУЮ Я НЕ ВОЗЬМУ

Дефицит конца восьмидесятых часто объясняют организованным саботажем: продукцию якобы придерживали на складах, чтобы создать пустые полки и дискредитировать плановую систему.

Дефицит документирован. Единый умысел за ним — нет. Я фиксирую факт и не выдаю правдоподобное чтение за установленное.

Тем более что объяснение проще и оно арифметическое: товаров стало не меньше, а денег, охотящихся за ними, стало кратно больше.

КУДА СМОТРЕЛИ ТЕ, КОМУ ПОЛОЖЕНО

Естественный вопрос. Ответ: они смотрели. И докладывали.

В 1982 году в системе КГБ было создано Шестое управление — защита экономики: контрразведывательное обеспечение промышленности, транспорта и торговли, борьба с хищениями в особо крупных размерах и с теневыми структурами.

К концу восьмидесятых оно располагало картиной происходящего лучше любого другого ведомства страны. Схемы обналичивания. Вывод сырья по заниженным ценам. Происхождение первых состояний. Состав участников. Всё фиксировалось, обобщалось и уходило наверх аналитическими справками.

Результата не было никакого.

Причина вписана в саму конструкцию советской власти: работник, включённый в номенклатурный реестр, не мог стать объектом разработки без санкции соответствующего партийного органа. То есть без разрешения того самого слоя, к которому он принадлежал.

Представьте следователя, который, чтобы начать проверку по секретарю обкома, обязан прийти в этот самый обком и попросить разрешения.

Формально порядок выглядел как защита кадров от ведомственного произвола — и в момент введения, вероятно, ею и был. Фактически он означал, что человек, попавший в реестр, изымался из общего правового поля. Его судили свои, по своему усмотрению, либо не судили вовсе.

Контур мог бить вниз — по хозяйственнику без партбилета, по директору магазина, по цеховику. Мог бить наружу — по иностранной агентуре, и бил великолепно: Мартынов и Моторин тому доказательство. Наверх смотреть ему было запрещено.

На одном этаже государства расстреливали за проданные секреты. На другом продавали саму страну, и продавцов не то что не расстреливали — им согласовывали постановления.

Разница между этажами была одна. У вторых был партийный билет.

ГДЕ ЭТО УЖЕ БЫЛО ЗАПИСАНО В ЗАКОНЕ

Эту конструкцию стоит запомнить, потому что она встречается в русской истории ещё раз — за двести лет до того, под другим названием и за подписью императрицы.

Одного акта 1762 года сословию было мало, и это следует из природы дела. Манифест снял обязанность, но не защитил приобретённое. Положение, лишённое основания, уязвимо: оно держится на том, что власть его не оспаривает, — а власть меняется. Тем более что государыня, правившая теперь, пришла к власти через переворот, устранивший дарителя вольности.

21 апреля 1785 года Екатерина II подписала Грамоту на права, вольности и преимущества благородного российского дворянства: вводный манифест и девяносто две статьи в четырёх частях.

Что там было.

Дворянское достоинство объявлено неотъемлемым и наследственным; утратить его можно только по суду и только за деяния из закрытого перечня. Дворянин освобождён от телесных наказаний. Право собственности объявлено неограниченным. Имения не подлежат конфискации. Дома освобождены от постоя войск. Разрешена предпринимательская деятельность.

Дворянство губернии составляет дворянское общество — корпорацию с собственным органом. Собрание созывается раз в три года, избирает губернских и уездных предводителей, судебных заседателей и капитан-исправников.

И — дворянина судит дворянский суд.

И — подтверждена свобода от обязательной службы.

ПОЧЕМУ ЭТО ПЕРЕМЕНА КАЧЕСТВЕННАЯ

Грамоту принято описывать как расширение привилегий. Верно и недостаточно: расширение привилегий — перемена количественная. Здесь произошла другая.

До 1785 года дворянство было группой лиц в определённом положении. После 1785 года оно стало сословием в строгом смысле — по совокупности четырёх признаков, и каждый стоит в тексте акта: права, не обусловленные исполнением; наследственное воспроизводство; корпоративная организация; собственная юрисдикция.

Последний решающий.

Наличие у группы собственного суда есть классический признак сословия. Именно им средневековые сословия отличались от податного населения — не богатством, не образом жизни, не знатностью, а тем, что судятся своими и по своему.

Освобождение от телесных наказаний относится сюда же. Телесное наказание — форма, в которой государство обращается с человеком как с объектом. Изъятие сословия из-под этой формы означает, что оно перестаёт быть однородно с остальным населением перед лицом власти.

Норма о неподлежании имений конфискации устроена так же. Конфискация — инструмент, которым государство отбирает у неисправного то, что было дано под условие. Её отмена стирает последний след того, что поместье когда-то было держанием.

ДВА ПОРЯДКА РЯДОМ

Дворянина судит дворянский суд. Номенклатурного работника нельзя тронуть без санкции партийного органа.

Разница только в оформлении. В первом случае это записано в законе за подписью императрицы. Во втором сложилось явочным порядком и подавалось как защита кадров от ведомственного произвола — а в 1947 году получило и собственную форму: суды чести, разбиравшие проступки руководящих работников внутри ведомств.

Институт, задуманный как щит начальства от произвола, есть готовый иммунитет.

Всё зависит от того, кто держит рукоять.

ЧТО БЫВАЕТ, КОГДА ПРАВОВОЙ МЕХАНИЗМ УЖЕ МЁРТВ

В ноябре 1991 года начальник управления Прокуратуры СССР по надзору за исполнением законов о госбезопасности Виктор Илюхин возбудил уголовное дело против президента СССР по статье об измене Родине.

Дело было немедленно закрыто, а сам Илюхин уволен.

Здесь важно не то, был ли он прав по существу, — это отдельный и спорный вопрос. Важно другое: закон существовал, статья существовала, надзорный орган существовал. Не существовало субъекта, способного это применить.

Отсюда же объясняется то, что при поверхностном взгляде выглядит внезапной изменой присяге.

После 1991 года значительная часть руководящих кадров государственной безопасности перешла на службу формирующемуся капиталу. Самый известный пример — генерал армии Филипп Денисович

Бобков: начальник Пятого управления КГБ с 1969 по 1983 год, первый заместитель председателя Комитета с 1985 по 1991-й, а с 1992 года — глава аналитической службы крупной финансово-медийной группы.

Оговорю границу: я фиксирую функцию — перенос компетенции и лояльности из государства в частную структуру. Мотивы конкретных людей остаются за пределами доказуемого, и я их не реконструирую.

Если смотреть на это как на отдельный эпизод — измена, и говорить не о чем.

Если помнить о десятилетиях, в которые контуру было запрещено смотреть наверх, о справках, гасших о партийный билет, — картина меняется. Это не внезапное предательство. Это финал долгого выгорания.

Контур сдался не потому, что разлюбил страну. Он сдался потому, что страну уже продали те, кто отдавал ему приказы, — а защищать её от них он не имел права по инструкции.

Остаётся вопрос, и он не праздный, потому что задаётся заново каждым поколением.

Всякая служба, которой разрешено смотреть наверх, сама становится силой без надзора — это и есть довод, которым в своё время обосновали партийную санкцию. Всякая служба, которой смотреть наверх запрещено, рано или поздно перестаёт видеть смысл в том, чтобы смотреть куда-либо.

Существует ли третье положение? Или выбор всегда идёт между ведомством без узды и ведомством с выколотыми глазами?

И ещё одно, чем закончу. Если основание вынули в 1762 году, почему конструкция простояла ещё век?

Это измеримо. Девяносто девять лет. О них — следующий разбор.

Десятый, заключительный материал сезона «Проклятое сословие». Сезон окончен. Следующий — «Парадокс выбора».

Материалов в сезоне: 11 · **Сквозные №:** 11–21 · **Дзен:** 09.08.2026 — 28.08.2026 · **ЖЖ:** 13.09.2026 — 03.10.2026